

КАБЛУКОВ Е. В.

Уральский федеральный университет

МИФОЛОГЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация: Работа выполнена в русле дискурс-анализа. В центре внимания автора дискурсивный конструкт Великой Отечественной войны. Показано, что в современном российском медиадискурсе происходит мифологизация истории ВОВ. В связи с этим актуализируется практика сакрализации субъектов и объектов, связанных с ВОВ. Сакрализация приводит к утверждению канонического варианта истории и табуированию критического осмысления рассматриваемой мифологемы. Табуирование осуществляется не только средствами пропаганды, но и с помощью правового запрета.

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, мифологема, идеология, Великая Отечественная война, День Победы.

KABLUKOV E. V.

THE MYTHOLOGEME OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MODERN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Abstract: The study is carried out in line with discourse analysis methods. The author focuses on the discursive construct of the Great Patriotic War. It is shown that the history of this war is mythologized in the modern Russian media discourse. In this regard, the practice of sacralization of the subjects and objects associated with this war is being actualized. Sacralization leads to the assertion of the canonical version of history and the taboo of a critical understanding of the mythologeme. Moreover, the means of tabooing are used not only as a propaganda method, but also as a legal prohibition.

Keywords: discourse, media discourse, mythologeme, ideology, the Great Patriotic War, World War II, Victory Day.

Анализ медиадискурса показывает, что история Великой Отечественной войны и День Победы как ее кульминационный момент трансформируются в одну из ключевых официозных мифологем современной России. Под мифологемой в данном случае понимается дискурсивный конструкт, «в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование» [1, с. 126]. Важно отметить, что в основе мифологемы, как правило, лежит фантомный, но при этом освященный традицией денотат, который обладает эмоциональной нагрузкой и богатым манипулятивным потенциалом [см.: 1, с. 126; 6, с. 152]. Официозными мы называем идеологемы и мифологемы, составляющие официозную идеологию государства

(если таковую можно выделить при анализе публичного дискурса), не имеющего законодательно закреплённой официальной идеологии [7, с. 807].

Мифологизация истории Великой Отечественной войны предполагает сакрализацию связанных с ней субъектов и объектов. Эксплицитные сигналы такой сакрализации содержатся в выступлениях президента России — важнейшем источнике официальной идеологии: *Победа в мае 45 го — это набат, утверждающий жизнь без войны, это святой символ верности Родине...* (Сегодня // НТВ. 2013. 9 мая); *Нас объединяет священная память о героях, известных и неизвестных. Объединяет великая благодарность вам, дорогие ветераны, преклонение перед поколением победителей* (Новости // Первый канал. 2014. 8 мая).

Приведённые примеры закрепляют священный статус Победы и поколения победителей. Практика сакрализации охватывает также образ СССР как страны, победившей национал-социализм, и Иосифа Сталина как «вдохновителя и организатора Победы»: *«Мы выиграли Великую Отечественную войну. И кто бы и что бы ни говорил, победа была достигнута. Даже если мы будем возвращаться к потерям, никто не может сейчас бросить камень в тех, кто организовывал и стоял во главе этой победы», — считает Путин* (РИА «Новости». 2009. 3 дек.); *В Пензе откроют «Сталинский центр», который будет популяризировать личность генералиссимуса и вручать Сталинскую премию, сообщает «Интерфакс». <...> В июне нынешнего года публицист Александр Проханов предложил причислить Сталина к лику святых* (Лента.ру. 2015. 7 дек.).

Следствием сакрализации становится утверждение единственно верного канонического варианта исторического нарратива [ср.: 3] и, как следствие, табуирование критического осмысления соответствующей мифологемы. Рассмотрим два способа такого табуирования. Первый осуществляется силами официальной пропаганды:

Владимир Путин: Мы должны защитить правду о Победе, иначе что скажем нашим детям, если ложь как зараза будет расползаться по всему миру? Наглому вранью и попыткам переиначить историю мы должны будем противопоставить факты (РИА «Новости». 2020. 15 янв.).

Владимир Мединский: Мое глубочайшее убеждение заключается в том, что даже если бы эта история была выдумана от начала и до конца, даже если бы не было Панфилова, даже если бы не было ничего — это святая легенда, к которой просто нельзя прикасаться. А люди, которые это делают, мрази конченные (РИА «Новости». 2016. 04 окт.).

Владимир Путин противопоставляет *нашу правду* о войне той лжи, которую распространяют неназванные субъекты. Столь примитивное разделение, безусловно, соответствует специфике политического дискурса и призвано объединить своих в политической борьбе с чужими [6]. В следующем фрагменте министр культуры России стремится закрепить в качестве канонического не истинный, а заведомо фантомный исторический нарратив, связанный с подвигом панфиловцев, и при этом использует грубую пейоративную лексику для стигматизации политических оппонентов.

Второй способ табуирования критического осмысления предполагает правовой запрет. Так, ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» вводит ответственность и

за публичное «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Впрочем, вызывает опасения не столько расплывчатая формулировка, сколько правоприменительная практика. Так, Владимир Лузгин был осужден за то, что «разместил в социальной сети “ВКонтакте” <...> статью под названием “15 фактов про бандеровцев, или о чем молчит Кремль”, в которой содержались заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, а именно утверждение, что ее развязали “коммунисты” (Советский Союз) совместно с Германией, а также о тесном сотрудничестве коммунизма и нацизма» (приговор цит. по: Радио Свобода. 2016. 24 дек.).

Несмотря на то, что рассматриваемая мифологема — при поддержке проправительственных СМИ и правовых институтов — претендует на монопольное положение в российском медиадискурсе, последний оказывает ей идеологическое сопротивление: *Великая Отечественная. Ну, тут все более-менее понятно. Такая война существует только в российской истории. Во всех остальных это всего лишь часть Второй мировой. В которую СССР вступил в 1939 году в союзнничестве с Германией. <...> Так что в том виде Победа, который гордится Россия — это миф* (Аркадий Бабченко // Блоги на «Эхе Москвы». 2017. 21 марта); *Критику в адрес Владимира Путина высказали и другие законодатели ЕС. Депутат от Европейской народной партии, бывшая глава МИД Латвии Сандра Калниете, назвала Иосифа Сталина союзником Гитлера. По ее мнению, СССР несет ответственность за начало Второй мировой войны* (РБК. 2020. 15 янв.).

В заключение отметим, что подмена исторического нарратива набором мифологем облегчает манипулирование массовой аудиторией, поскольку властные субъекты дискурса произвольно определяют содержание мифа, а значит, могут менять его в соответствии со своими интересами и политической конъюнктурой. Таким способом — в точном соответствии с формулой, выведенной Дж. Оруэллом в романе-антиутопии «1984», — осуществляется контроль над прошлым, а значит, над настоящим и будущим: «Кто управляет прошлым, — гласит партийный лозунг, — тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [4, с. 87]. Однако в такой ситуации будущее становится не столь важным: история предстает как нисходящий процесс, кульминация которого — в нашем случае победа в Великой Отечественной войне — находится далеко позади, а вся жизнь страны превращается в гонку за утраченным «золотым веком», что соответствует архаическим представлениям об историческом процессе: «Создали прежде всего поколение людей золотое вечноживущие боги... <...> Землю теперь населяют железные люди. Не будет им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя, и от несчастий» [2, с. 54-56; см. также: 5].

Литература

1. Вепрева И. Т. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов / И. Т. Вепрева, Т. А. Шадрина // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. — 2006. — Вып. 3. — С. 120–131.
2. Гесиод. Труды и дни / Гесиод // Гесиод. Полное собрание текстов. — Москва: Лабиринт, 2001. — С. 51–76.

3. История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): Краткий курс. — Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1938.
4. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет / Дж. Оруэлл. — Москва: АСТ, 2014.
5. Сегал А. П. Проблемное поле обыденных и научных представлений о Золотом веке как продукт викизации знания / А. П. Сегал // Вестник МГОУ. Сер.: Философские науки. — 2016. — № 2. — С. 36–49.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Волгоград: Перемена, 2000.
7. Kablukov E. The metamorphosis of the phraseological unit “the fifth column” in modern Russian media discourse / E. Kablukov. — *Slavia Orientalis*. — 2016. — Vol. 65. — Is. 4. — P. 805–821.